

УДК 1:82(47)

ББК 87.3(2)522-685:83.3

Евгения Сергеевна Бужор

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Россия, Москва, e-mail: ESBuzhor@fa.ru

Эдоардо Антонио Базилико

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», аспирант кафедры языкознания и литературоведения; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, ассистент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Россия, Москва, e-mail: edoardobasilico92@gmail.com

Идея всеединства Владимира Соловьева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»

Аннотация. Рассматривается роман «Доктор Живаго» Бориса Пастернака с точки зрения теории всеединства Владимира Соловьева. Проводится мысль о том, что ключевым положением теории всеединства Соловьева является идея противостояния мира положительного всеединства и мира эмпирической разобщенности, а также необходимость их воссоединения. Утверждается, что Соловьевым разработаны два пути воссоединения – эволюционно-исторический и индивидуально-экзистенциальный, осуществляемый через творчество и любовь. Отмечено чувство всеединства, присущее Пастернаку, выражаемое им через понятия жизни и бессмертия, средством достижения которого для поэта является история, понимаемая им в христианской парадигме как уже наставшее будущее. Утверждается, что в романе оба пути восстановления всеединства, намеченные Соловьевым, сливаются благодаря идее Пастернака, согласно которой история не сможет прийти к своей финальной цели без сознательного и свободного участия в историческом процессе человека. Обсуждается, что парадигмальной формой этого участия является творчество, которое должно приобрести теургический характер. Показано, что средством, позволяющим главному герою романа раскрыть божественное измерение на пути теургического творчества, является философия любви Соловьева. Делается вывод, что сборник стихов, созданный главным героем как итог его жизни, представляет собой образ наступившего будущего и одновременно явление красоты высшего мира всеединства, способной оказывать преобразующее воздействие на эмпирическую действительность, о чем повествуется в эпилоге романа.

Ключевые слова: идея всеединства, бессмертие как цель истории, концепция «наступившего будущего», личность как «органический человек», теургическое творчество

Buzhor Evgeniya Sergeevna

Financial University under the Government of the Russian Federation, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Russia, Moscow, e-mail: ESBuzhor@fa.ru

Edoardo Antonio Basilicò

National Research University Higher School of Economics, PhD Student in Linguistics and Literary Studies; Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate, Department of Humanitarian Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Russia, Moscow, e-mail: edoardobasilico92@gmail.com

Vladimir Solovyov's Idea of All-Unity in Boris Pasternak's Novel “Doctor Zhivago”

Abstract. The article examines the novel “Doctor Zhivago” by Boris Pasternak from the point of view of Vladimir Solovyov's theory of all-unity. It is suggested that the key provision of Solovyov's theory of all-unity is the opposition of the world of positive all-unity and the world of empirical disunity, as well as the need for their reunification. It is argued that Solovyov developed two ways of reunification - evolutionary-historical and individual-existential, realized through creativity and love. It is shown that Pasternak had organic feeling of all-unity, which he expressed through the concepts of life and immortality. It is noted that the means of achieving immortality for the poet is history, understood in the Christian paradigm as an already arrived future. It is argued that in the novel both ways of restoring all-unity outlined by Solovyov merge due to Pasternak's idea that history cannot reach its final goal without the conscious and free participation in the historical process of man. It is discussed that the paradigmatic form of this participation is creativity, which must acquire a theurgic character. It is shown that the means that allows the protagonist to discover the divine dimension and take the path of theurgic creativity is love, which has features of Solovyov's philosophy of love. It is concluded that the collection of poems created by the protagonist as a result of his life is an image of the future that has already arrived and at the same time a phenomenon of the beauty of the highest world of all-unity, capable of having a transformative effect on empirical reality, which is narrated in the epilogue of the novel.

Key words: the idea of all-unity, immortality as the goal of history, the concept of the “future that has arrived”, personality as an “organic man”, theurgic creativity

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.3.164-180

Целью человеческой жизни, по Владимиру Соловьёву, является достижение «живой связи с живою реальностью абсолютного бытия», преодоление разобщенного модуса действительности и преобразование ее в состояние абсолютного всеединства, в котором каждое существо, не теряя своей индивидуальности, пребывает в состоянии неразрывной взаимосвязи со всеми существами мира и самим Богом. В работе «Общий смысл искусства» философ дает такое определение «всеединству»: «...во-первых, частные элементы не исключают друг друга, а, напротив, взаимно полагают себя один в другом, солидарны меж-

ду собою... во-вторых, они не исключают целого, а утверждают свое частное бытие на единой всеобщей основе...наконец, в-третьих, эта всеединая основа или абсолютное начало не подавляет и не поглощает частных элементов, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе» [1, с. 394]. Таким образом, Соловьев обращает внимание на то, что каждое существо мира является частью высшей реальности, вечного бытия Бога. Этот принцип в философии Соловьева тесно связан с идеей соборности, которая подразумевает духовное единство отдельных личностей. Соборность является, по мнению философа, «свободным согласием на единство» и актуализуется «в форме свободной общинности», «солидарности». Если в позитивистском направлении центром человеческого существования является его эмпирическое «я», то философские исследования Соловьева направлены на поиски более глубокого существа – духа, который, по мысли философа, «...имеет первоначальное субстанциальное бытие, независимо от своего частного обнаружения или проявления в ряде отдельных актов и состояний...В этой первоначальной глубине лежат и корни того, что мы называем собою или нашим я ...»¹. Таким образом, в основе существа человека лежит то «первоначальное субстанциальное бытие», которое было конкретизировано С.Л. Франком как «Мы», то есть «я и все остальные», включая и высшее существо – Бога.

Вместе с тем важной проблемой философии всеединства является наличие отпавшего эмпирического мира, который обладает чертами разобщенного или «антивсеединого» устройства, противоположного миру положительного всеединства. Соответственно, ключевым вопросом для философии всеединства является соотнесение мира всеединства с горизонтом здешнего бытия и их воссоединение. Возможность воссоединения этих миров, по Соловьеву, обусловлена тем, что они тождественны по своей сущности, но различны по модусу: разрозненное существование является недолжным модусом всеединства, поэтому органичным является его преодоление и восстановление всеединства².

Соловьев наметил два пути этого восстановления – внешний, согласно которому онтологическая трансформация здешнего мира осуществляется в результате длительного эволюционно-исторического процесса; и внутренний, допускающий, что онтологическая трансформация эмпирической действительности достижима усилиями отдельного человека, направленными на ее преображение³.

¹ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 86 [2].

² См.: Бужор Е.С. Философия преображающего познания П. Флоренского и Вяч. Иванова в контексте теории всеединства Вл. Соловьева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. С. 22–25 [3].

³ Там же.

В результате внешнего пути всеединство достигается для совокупности всех людей в историческом процессе, в котором таким образом «осуществляется воля Божия в мире»⁴. В результате же внутреннего пути оно достигается как энергичное раскрытие тождества миров в моменты интенсивного переживания бытия человеком. Внутренний путь, представленный учениями о художественном творчестве и любви, являет собой образец «философии жизни» Соловьева, практически указывающей человеку, как он может достичь всеединого устроения собственными усилиями «здесь и сейчас», а не долгим путем всемирно-исторического развития⁵.

Два пути восстановления всеединства у Соловьева присутствуют как разные концептуальные построения, между которыми сложно уловить взаимосвязь. Между тем соотношение между ними возможно, и оно, по нашему мнению, прослеживается в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго», в котором присутствуют все основные компоненты теории всеединства – всеединство в его вечном и неустрашимом наличии, разобщенность как недолжный модус всеединой действительности, история как путь человечества к богочеловечеству и, наконец, индивидуальный путь человека к всеединству через любовь и творчество. Как эти компоненты сочетаются в романе Пастернака?

Пастернаку было присуще мировоззрение всеединства, которое он выражал понятием всеобщей жизни. Вложенная в уста Юрия Живаго, эта мысль звучит так: «Все время одна и та же необъятно тождественная жизнь наполняет вселенную и ежечасно обновляется в неисчислимых сочетаниях и превращениях» [6, т. 3, с. 69]⁶. Это «ощущение связности» является тем глубинным чувством, из которого рождается роман. Как пишет исследовательница И.В. Романова, в «Докторе Живаго» «автогенные персонажи реализуют в себе, в своих отношениях друг с другом, прежде всего, и с окружающим идею всеединства. Они как бы перетекают в своем сознании друг в друга» [7, с. 121].

В самом начале романа идея всеединства как основы мира передается в строках о некой странной «беззаботности» окружающих: «эту беззаботность придавало ощущение связности человеческих существований, уверенность в их переходе одно в другое чувства счастья по поводу того, что все происходящее совершается не только на земле, в которую закапывают мертвых, а еще в чем-то другом, в том, что одни называют царством Божиим, а другие историей, а третьи еще как-нибудь» (т. 3, с. 16–17). Однако тут же Пастернак конкретизирует,

⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 259 [4].

⁵ См.: Бужор Е.С., Бужор В.И., Шевченко О.В. Концепция преображения человека у Ницше и Владимира Соловьева и ее влияние на русскую философию // Манускрипт. 2021. Т. 14, вып. 3. С. 481 [5].

⁶ Далее в тексте ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и страниц.

отчего возникает эта «беззаботность»: «Все движения на свете в отдельности были рассчитанно-трезвы, а в общей сложности безотчетно пьяны общим потоком жизни, который объединял их. Люди трудились и хлопотали, приводимые в движение механизмом собственных забот» (т. 3, с. 16). Как видим, в этом наброске образа всеединства Пастернак сразу констатирует его проблематичность, а именно дихотомию миров положительного всеединства и, говоря словами Л.П. Карсавина, «умаленного» всеединства: люди поступают и действуют в соответствии со своими эгоистическими интересами и целями, то есть «механически», тогда как всеобщей основой является органический поток единой жизни. Очевидно при этом, что «механизмы собственных забот» не действовали бы, если бы их главным регулятором не было чувство высшей и краугольной беззаботности, обоснованной всеединым устроением бытия, однако люди не ощущают этого обоснования, будучи всецело преданными игре своих индивидуальных интересов.

Этот контраст еще сильнее подчеркивается в начале романа – взгляд мальчика отразил описанную выше общность жизни, к которой люди бессознательно причастны, чувство «озабоченности», составляющее, как пишет Пастернак, доминанту его самоощущения. Этот фрагмент романа перекликается со знаменитым стихотворением Ф.И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...» о душевном разладе мыслящего человека с общим ходом вещей. Одновременно этот фрагмент близок образу «слезинки ребенка» Ф.М. Достоевского, наглядно указывающему на неблагополучие мира, несмотря на его внешнюю упорядоченность и расчетливую последовательность.

Как разрешить эту коллизию бессознательного ощущения радости и единства и сознательного ощущения разобщенности и противостояния? Пастернак считает, что она должна быть преодолена и это преодоление идет полным ходом как имманентная работа общей слитной жизни. Эта работа, этот процесс – история. Свое понимание истории Пастернак вкладывает в уста дяди главного героя Николая Николаевича Веденяпина, определявшего историю как процесс «по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению» (т. 3, с. 14) или, иначе, как путь к бессмертию. По мнению К.М. Поливанова, эти положения являются развитием идеи Вл. Соловьева и наследовавших ему русских религиозных мыслителей начала XX века⁷.

Весь роман пронизан чувством истории, хода событий, противоречивых, но солидарных. Пастернаку присуще телеологическое чувство истории, заключающееся не только в том, что история имеет цель, финал, но и в том, что эта цель уже присутствует в самом ходе истории, что она в некотором смысле уже

⁷ См.: Поливанов К.М. «Доктор Живаго» как исторический роман: дис. ... д-ра философии по русской литературе. Вып. 33. Тарту: University of Tartu Press, 2015. С. 10 [8].

достигнута и только поэтому процесс оказывается возможен. С другой стороны, высшую цель истории еще нужно достичь, реализовать, и под этим Пастернак подразумевает переход в иную действительность, постисторию, своего рода осуществление царства Божьего на земле, чаемого русской мыслью начиная с Достоевского. В романе «Доктор Живаго» Пастернак описывает эту диалектику истории через понятие будущего, которое уже свершилось, приход которого уже состоялся. Эта диалектика объясняется таким образом, что, с одной стороны, целью истории является достижение бессмертия всего человечества, которого еще нужно достичь, и в этом плане она представляет собой будущее. Но, с другой стороны, в основе истории как пути к бессмертию лежит воскресение Христа как уже состоявшийся факт. История, по Пастернаку, «основана Христом» и «Евангелие есть ее обоснование» (т. 3, с.14). Поскольку событие преодоления смерти состоялось в самом начале истории, то цель уже достигнута, и в этом смысле она является тем будущим, которое уже наступило и которое своим приходом отменило прошлое, прежнее.

Что относится к этому «прежнему»? Как отмечает О.А. Седакова, «к “прежнему” относятся расы, классы, народы, любые общности и обобщения, отменяющие единственного человека и его дар. К “прежнему” относится посредственность и «чертовщина будней». Все это “прошло”. Мы свободны от тысячи прошлых вещей, и бояться нечего» [9]. К «прежнему» относится и сама смерть. Стоит вспомнить, что одним из ранних названий романа, данных Пастернаком, было «Смерти не будет»⁸. По сути, это отменяемое основанной Христом историей «прежнее» представляет собой доисторическое, а точнее, внеисторическое существование человечества. Новизна, привнесенная в мир христианством, до сих пор, по словам Веденяпина, «чрезвычайно нова» и «истории в этом смысле не было у древних» (т. 3, с.14).

Присутствие уже «наступившего» будущего пронизывает всю художественную ткань романа: каждый элемент текста, как и сам текст в целом, отсылает читателя к будущему времени. Совпадения, встречи, переключки как основа построения системы персонажей не просто показывают «единство» или «сцепленность» всего сущего, но воплощают «реальность Промысла, это... единая творческая лепка – воля Божия»⁹. А.И. Шмайна-Великанова в своих исследованиях о христианстве Пастернака показывает, как роман «Доктор Живаго» «открывается» и «отворачивается» от себя, стремясь к послетекстовой истории, к послероманному будущему человечества и России.

⁸ Подтверждением этой мысли являются слова Юрия Живаго, сказанные им у постели больной Анны Ивановны Громеко: «Вы уже воскресли, когда родились, и этого не заметили» [6, т. 3, с. 69].

⁹ См.: Шмайна-Великанова А.И. Поэзия как выход из богословского тупика: «Доктор Живаго» и его последствия // Наше положение: Образ настоящего. М., 2000. С. 224 [10].

Центральный принцип организации художественного пастернаковского текста – принцип контрапункта, или «судьбы скрещенья». Весь роман построен так, что герои постоянно будто бы случайно пересекаются друг с другом, совершенно не зная об этом. Одним из таких ярких примеров является эпизод, когда Лара приходит к своему будущему мужу Павлу Антипову для серьезного разговора о скорейшем венчании. Павел тушит свет и зажигает свечу, и тепло от свечи протаивает на замерзшем окне темный глазок. В это время по другую сторону окна еще не знакомый с героями Юрий Живаго проезжал мимо и размышлял о том, что Блок – это явление Рождества в русской литературе. В этот момент он тоже увидел темный глазок от свечи... Вот как это описывается в романе: «Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникающий на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало. Свеча горела на столе. Свеча горела – шептал Юра» (т. 3, с. 75). Так рождается знаковое стихотворение «Зимняя ночь». Поэтому неслучайно Б.М. Гаспаров пишет о том, что текст романа со всеми своими темами построен как музыкальный контрапункт: все его линии совпадают и переплетаются в одну главную линию, которая не соответствует обычному ходу времени и, соответственно, преодолевает время, его побеждает и побеждает смерть, так что задачей романа является победа над смертью¹⁰.

Но история как промысел, как имманентный процесс, как нечто уже данное человеку, подсказывающее и бессознательно направляющее его, недостаточна. Ей нужен дополнительный фактор – сознательное и ответственное действие человека. Другими словами, этот фактор – свобода, свобода не в том смысле, что можно поступать так или иначе, а свобода как судьба и призвание, как понимание того, что без человеческого участия история не свершится, не исполнится, что будущее, которое уже есть как залог, не сможет прийти к полноте своего осуществления.

В этом сочетании истории и свободы, как представляется, Пастернак и сближает, сводит воедино два пути достижения всеединства, намеченные Соловьевым, – путь всемирно-исторический и путь индивидуально-человеческий. Это привнесение человеческого фактора в историю должно состоять в том, чтобы люди перестали быть «безотчетно пьяны общим потоком жизни», который объединяет их, и приобрели «трезвый», отчетливый взгляд на него. Или, говоря по-другому, перестали быть «механическими существами», приводимыми в действие «механизмом собственных забот», и стали «органическими существами». Эта мысль лежит в русле философской антропологии Соловьева,

¹⁰ См.: Гаспаров Б.М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 247 [11].

который рассматривает человека как существо, порожденное природой на определенном этапе ее эволюции, являющейся движением к совершенству. С появлением человека это стремление природы к совершенству из неосознанного становится осознанным, из внешнего, отчужденного целеполагания становится ее собственным внутренним смыслом. В связи с этим задача и назначение человека состоит в том, чтобы продолжать дело совершенствования мира и природы¹¹, что, по сути, означает трансформацию эволюции в историю¹².

Подобно тому как у Соловьева человек должен перенять дело природы, у Пастернака человек должен сознательно перенять дело промысла истории, ведущего к преобразению действительности и восстановлению всеединства. Если история как сцепление и сплетение действий людей уже задана, присутствует как данность, то придать ей смысловой вектор невозможно без человека. Без свободного, сознательно-участливого действия человека всемирно-исторический поток всего лишь «кимвал звенящий», форма, лишенная содержания, и ее предначертание – всеединство, бессмертие, «царство Божие» – не будет реализовано. Человек – это существо, имеющее внутреннее божественное измерение, но не знающее об этом, поэтому и следующее своим механическим заботам. Человек есть «себя забывший бог», и его задача – восстановить связь с этим внутренним божественным измерением, перевести его из внутреннего мира в саму реальность, в саму жизнь. Божественное в человеке должно стать живым, реальным и осязаемым, идущим рука об руку с повседневным бытием человека.

Человек, ставший органическим существом, открывший для себя свое божественное измерение, свою предельную основу, есть личность. Лежащая в глубине человека предельная основа отнюдь не исключает индивидуальности, а, напротив, только благодаря ей человек, индивид, может проявить себя во всей своей полноте и своеобразии. Концепция личности представляет человека как существо, которому дана возможность выйти из индивидуальной ограниченности, не теряя при этом своего единственного и своеобразного характера. Принцип личности проходит сквозным мотивом романа, является одной из ведущих его тем.

Это понимание личности у Пастернака, как и его понимание истории, имеет глубоко христианскую основу. Именно в христианстве понятие личности стало тем понятием, которое позволило поднять человека до уровня Бога, не-

¹¹ См.: Бужор Е.С. Философско-антропологическая трактовка пушкинской концепции поэта у Владимира Соловьева // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3. С. 71–72 [12].

¹² Согласно В.В. Бычкову, человек, по Соловьеву, «должен свободно и осознанно на основе собственных знаний, разума и веры прийти к пониманию, что он сотворен именно для того, чтобы своими собственными руками реализовать последнюю идею космического творения – окончательно организовать действительность в соответствии с божественным замыслом» (см.: Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/bychkov.html> (дата обращения: 24.03.2025) [13]).

смотря на онтологическую пропасть между ними «по природе». Личность является тем будущим, которое уже наступило и отменило «прежнее», в понимании которого человек всегда был частью социальной общности. В романе Миша Гордон говорит: «...в том сердце задуманном новом способе существования и новом виде общения, которое называется царством Божиим, нет народов, есть личности» (т. 3, с. 124). Ему вторит другой персонаж романа: «Что-то сдвинулось в мире... Вожди и народы отошли в прошлое. Личность, проповедь свободы пришли им на смену. Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной» (т. 3, с. 164). Пастернак не случайно подчеркивает «равенство Бога и личности» (т. 3, с. 124).

Для того чтобы человек из эгоистического индивида, живущего «механизмом забот», мог стать личностью, необходимо обращение от своего «я» к другим. В романе Пастернак показывает способ, каким это достигается, – переключением сознания. Юрий Живаго говорит Анне Ивановне Громеко незадолго до ее смерти: «Человек в других людях и есть душа человека. Вот что вы есть, вот чем дышало, питалось всю жизнь ваше сознание. Вашей душой, вашим бессмертием, вашей жизнью в других. В других вы были, в других и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это будете вы, вошедшая в состав будущего» (т. 3, с. 69–70). Итак, правильным образом используемое сознание никогда не является чем-то направленным на себя, а всегда обращено вовне. В том же самом месте в романе читаем: «Сознание – свет, бьющий наружу, сознание освещает перед нами дорогу, чтоб не споткнуться. Сознание – это зажженные фары впереди идущего паровоза. Обратите их светом внутрь, и случится катастрофа» (т. 3, с. 69). Нельзя не заметить, что понимание природы сознания и его роли в открытии внутреннего божественного измерения посредством смещения фокуса с себя самого на других перекликается с высокой оценкой сознания у Соловьева, согласно которому, абсолютная форма разумного сознания, присущая человеку, нужна именно для того, чтобы, «сообразуя свои действия с этим высшим сознанием», человек мог «бесконечно совершенствовать свою жизнь и природу, не выходя из пределов человеческой формы»¹³.

Наконец, на примере главного героя романа Юрия Живаго Пастернак показывает, как конкретно обретается «божественное» измерение в человеке. Уже самим выбором фамилии героя, происходящей от церковного выражения «сын Бога Живаго» (или Жизни), где «Живой» означает «таинственное» имя Бога, автор хотел подчеркнуть необходимость раскрытия божественной сущности в человеке. Имя же героя Юрий, в церковной традиции Георгий, связано с обра-

¹³ См.: Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 502 [14].

зом воина-победоносца, поэтому символически имя «Юрий Живаго» можно истолковать как победившую жизнь, ту самую жизнь, которая, по Пастернаку, является всеобщей основой и которая по сути есть всеединство.

Мы полагаем, что путь обретения внутреннего измерения, путь раскрытия личности у Пастернака совпадает с теми путями, которые Соловьев определил в рамках субъективно-человеческого способа обретения всеединства – через художественное творчество, или искусство, и через любовь.

Назначение искусства, по Соловьеву, заключается в том, чтобы потенцировать, обнаруживать за «грубой корой вещества» идею. Иными словами, искусство должно представлять изображаемое сущее в его истинности, взятой под углом красоты, то есть законченности, совершенства, полноты облика. Такое искусство Соловьев именовал теургическим¹⁴ и считал, что в отличие от миметического искусства оно стремится не подражать действительности, а преобразовывать ее¹⁵. Конкретно эта теургическая задача заключается в том, чтобы одухотворять природную красоту, «когда внутренний существенный и вечный смысл жизни, скрытый в частных и случайных явлениях природного и человеческого мира и лишь смутно и недостаточно выраженный в их естественной красоте, открывается и уясняется художником чрез воспроизведение этих явлений в сосредоточенном, очищенном, идеализированном виде»¹⁶.

Для Пастернака само понимание истории неразрывно связано с вопросом о происхождении, существе и назначении искусства. Достижение цели истории неотделимо от художественного творчества, которое фактически мыслится главным средством для обретения бессмертия. Именно поэтому центральным и заглавным героем своего романа Пастернак делает поэта¹⁷. Необходимыми элементами достижения бессмертия, таким образом, являются наличие истории, сознательного участия в ней человека и, наконец, творческой деятельности этого человека. Именно для бессмертия, говорит Пастернак устами Николая Николаевича Веденяпина, «открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, для этого пишут симфонии» (т. 3, с. 14). Продолжением этих мыслей о роли творчества в преодолении смерти оказываются и размышления Юрия Живаго после похорон Анны Ивановны Громеко: «В ответ на опустошение, произведенное смертью в этом медленно шагавшем сзади обществе, ему с непреодолимостью, с какою вода, крутя воронки, устремляется в глубину, хоте-

¹⁴ Согласно С.С. Хоружему, теургия являет собой «всецелое преобразование мира, направляющееся к его финальному преображению» (см.: Хоружий С.С. Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. М.: Центр психологии и психотерапии, 1991. С. 102 [15]).

¹⁵ См.: Бужор Е.С. Философско-антропологическая трактовка пушкинской концепции поэта у Владимира Соловьева. С. 68.

¹⁶ См.: Соловьев В.С. Общий смысл искусства. С. 399–400.

¹⁷ См.: Поливанов К.М. «Доктор Живаго» как исторический роман... С. 227.

лось мечтать и думать, трудиться над формами, производить красоту. Сейчас, как никогда, ему было ясно, что искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь. Большое, истинное искусство, то, которое называется Откровением Иоанна, и то, которое его дописывает» (т. 3, с. 91). Слова «трудиться над формами, производить красоту» являются прямым выражением соловьевского понимания теургического искусства.

Любовь же, как ее понимал Соловьев, является более таинственным путем реализации всеединства и осуществляется в виде особой духовной любви между мужчиной и женщиной. Концепция любви Соловьева восходит к Платону, который одним из первых указал на высокое значение любви в своем диалоге «Пир», рассуждая о ней как о стремлении к полноте и к прекрасному, и в итоге к самому Благу, то есть к высшей идее и безначальному началу бытия. Для Соловьева же любовь – источник человеческого бессмертия¹⁸. По мнению мыслителя, любовь позволяет человеку раскрыть свою богочеловеческую сущность путем преодоления трех видов разобщенности мира: разобщенности человека с человеком, разобщенности тела и души (фактически разобщенности человека с самими собой) и разобщенности человека с Богом.

Первая разобщенность – разобщенность человека с человеком – преодолевается любовью таким образом, что любовь переносит центр жизни из себя в другого, так что другой становится более ценным, чем я сам. Полагая себя в любимом существе, человек восполняет свою индивидуальную обособленность, становится цельным, «двуполым» существом, разумеется, не в физическом, а духовном смысле.

Преодоление разобщенности души и тела происходит так, что любящий, полагая центр своего существования в любимом существе, естественным, как говорит Соловьев, образом стремится его обессмертить. А поскольку любящий воспринимает любимого человека как телесное и духовное существо, то стремление его обессмертить означает преображение его плоти, так что телесность не упраздняется, а наделяется нетленностью, освобождается от распада и умирания, то есть одухотворяется. Важно подчеркнуть, что происходит не упразднение телесности, а ее освобождение от грубой вещественности, в результате чего тело, не теряя своей специфики, приобретает духовный характер и более с душой не разлучается. Каким бы фантастическим это ни казалось, но, по Соловьеву, истинная любовь способна преобразить материальное тело любимого человека в духовное и тем самым его обессмертить¹⁹.

¹⁸ «Solovyov thought love something more, namely a reintegration, the unity of masculine and feminine... For love is the desire for the “divination” of man, or even for making him immortal» (см.: Weimann A. Walicki's Analysis of Solovyov's Views // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4 (44). С. 83 [16]).

¹⁹ П.П. Гайденок пишет, что в теории любви Соловьева воплотилась «идея полного преображе-

Наконец, третьей, высшей стадией истинной любви, по Соловьёву, является достижение богочеловечности, преодоление разобщенности между человеком и Богом²⁰. Дело в том, что любящий не только полагает центр своего существа в другом человеке, не только страстно желает его обессмертить, но и начинает видеть в нем весь мир. Любящий видит в любимом существе не индивидуальную сущность, а сущность, слитую со всеми существами мира. Тем самым любящий раскрывает в любимом существе грань всеединства, которое представляет собой слитное, взаимосвязанное существование всех существ по принципу «всё в каждом и каждое во всём». По сути, в любимом существе любящий прозревает всеединую сущность. Всеединая сущность же есть составная часть Бога; Соловьёв называет ее вечной женственностью или Софией, которую Бог любит. Таким образом, благодаря прозрению в любимом существе грани всеединой сущности, Софии, любовь любящего сливается с любовью Бога. Благодаря любви любящий человек начинает существовать в том же режиме, в каком существует Бог, который и есть любовь²¹.

Сквозной нитью повествования романа Пастернака является любовь, поиск и постижение друг друга главными героями – Юрием и Ларой. Любовная линия достигает своей кульминации в тринадцатой главе романа, где мы видим, что любовь Юрия к Ларе содержит все аспекты «смысла любви» по Соловьёву. Ибо одним и тем же чувством Юрий любит, во-первых, конкретную земную женщину, ее эмпирический облик, во-вторых, он постигает и любит идеальный облик Лары и тем самым ничего так страстно не желает, как обессмертить ее, и наконец, в-третьих, в Ларе он прозревает весь мир, само живое положительное всеединство, существующее в Боге как София.

В точном соответствии с теорией любви Соловьёва, любовь Юрия к Ларе становится для него духовной практикой, ведущей к искомой цели всеединства, богочеловечеству. Обратим внимание, что Соловьёв подчеркивал, что такая высшая, мистическая любовь является трудной, она сродни аскетическому подвигу, служению, для нее нужны такие же сверхусилия, поэтому далеко не каждая любовная пара способна достичь совершенной любви²². Эта исключительность подчеркивается и Пастернаком: «Их любовь была велика. Но любят все, не замечая небывалости чувства. Для них же – и в этом была их исключительность – мгновения, когда, подобно веянию вечности, в их обречённое челове-

ния человеческой природы здесь, на земле...» (см.: Гайденок П.П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 35 [17]).

²⁰ По наблюдению Н.К. Бонеевой, фактически теория любви у Соловьёва – это «духовная практика, ведущая к искомой цели богочеловечества» (см.: Бонеецкая Н.К. Царь-Девница: феномен Евгении Герцык на фоне эпохи. СПб.: Полиграф, 2012. С. 148 [18]).

²¹ См.: Бужор Е.С. Смысл любви в философии всеединства Вл. Соловьёва // Общество: философия, история, культура. 2017. № 9. С. 43–47 [19].

²² См.: Бужор Е.С., Бужор В.И., Шевченко О.В. Концепция преобразования человека у Ницше и Владимира Соловьёва и ее влияние на русскую философию. С. 482.

ское существование залетало веяние страсти, были минутами откровения и узнавания всё нового и нового о себе и жизни» (т. 3, с. 378).

Что происходит с любовью Юрия и Лары – достигает ли она совершенства? Возможно нет, потому что полная реализация практики духовной любви должна была бы сделать их нераздельным целым. Юрий и Лару же разлучают обстоятельства, внешние силы, возможно, собственная неуверенность героев, их неизжитая озабоченность «механизмами жизни». Но эта любовь принесла плоды: Юрий сумел открыть в себе источник того творчества, о котором писал Соловьев как об одном из путей достижения всеединства, – творчества теургического, способного преображать действительность.

Благодаря опыту любви в Юрии Живаго пробуждаются творческие силы, у него появляется долг, дело, которое он в конечном итоге реализует, несмотря на внешний крах своей жизни, – создает корпус стихотворений, в котором выражает открывшийся ему опыт единой, цельной жизни. Пастернак так описывает процесс творчества: «В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, а именно: состояние мировой мысли и поэзии, и то, что ей предназначено в будущем, следующий по порядку шаг, который предстоит ей сделать в ее историческом развитии. И он чувствовал себя только поводом и опорной точкой, чтобы она пришла в это движение» (т. 3, с. 431). Творец понимает в романе как проводник божественного дара. Поэт начинает видеть весь мир под углом зрения вечности, с точки зрения идеального мира, который как золотой запас лежит в основе бытия.

Для Пастернака в таком творчестве нет ничего сверхъестественного²³. Творчество есть «сестра жизни», по сути они тождественны, ибо сама жизнь есть творчество. О.А. Седакова обращает внимание на то, что в святости у Пастернака нет ничего чрезвычайного, что «святость (или гениальность, что для Пастернака одно и то же) в природе вещей, в природе жизни, пока она жизнь»²⁴. Нужно лишь дать возможность голосу жизни зазвучать в нас. Единственное, что в нашей власти, – это суметь не исказить голос жизни, звучащий в нас. «Голос жизни» зовет, потрясает, пробуждает человека и вводит его в прямую связь с тем, что в нем сокровеннее всего; он говорит ему, что есть добро и что есть зло, указывает дорогу к полному свершению его личности – к свершению не как к самореализации, а как к духовному призванию. «Голос жизни» вводит

²³ В своей работе «К проблеме “теургического постулата”» Л. Силард отмечает «демократизм» философии всеединства, отмечая, что при духовном восхождении к всеединству «речь идет... не об особом человеке (сверхчеловеке), а об особых состояниях и качествах духа, т.е. о возможных антропологических характеристиках, присущих людям как таковым, правда, в разной мере» (см.: Силард Л. К проблеме «теургического постулата» // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 116–117 [20]).

²⁴ См.: Седакова О.А. «Неудавшаяся епифания»: два христианских романа: «Идиот» и «Доктор Живаго». URL: <https://old.taday.ru/text/2322571.html> (дата обращения 25.03 2025) [21].

человека в особое состояние, когда он получает максимальное освобождение от своей стихийной мятежности, входит в прямую связь с высшим миром, фактически начинает жить по его законам самоотдачи. Душа повинуетсЯ высшему, то есть смиренно принимает высшее, которое одновременно осознается как нечто родное, отвечающее ее собственной природе, так что, по сути, вдохновение возвращает душу на ее небесную родину²⁵.

Примечательно, что Пастернак приписывает авторству героя свои лучшие стихотворения, тем самым размыкая рамки художественного вымысла, романа и реальной жизни. Стихи приобретают двойное происхождение, их можно называть стихами Пастернака и Юрия Живаго одновременно. Корпус стихов Живаго-Пастернака – это, говоря словами Соловьева, выраженное «в форме осязательной красоты... совершенное содержание бытия», «высший смысл жизни...»²⁶. Они раскрывают «все и так существующее, всякому известное, но не так, как оно известно, а в вечной силе своего образа, насквозь просветленное все, до последней пылинки»²⁷.

Знаменательным является эпилог романа, в котором проясняется теургическое значение корпуса стихов Юрия Живаго. Друзья детства Живаго, Гордон и Дудоров, пережившие своего друга, сидя высоко над вечерней Москвой, читают стихи Юрия. Пастернак пишет, что предвестие свободы разносилось в воздухе и что это было вызвано историческими обстоятельствами. Но затем автор говорит, что друзьям казалось, что «свобода души» уже «пришла» и что они уже находятся в будущем, что будущее уже осязательно расположилось – то будущее, которое для Пастернака есть победа нового на отжившем, по сути – всеединства над разобщенностью. Они испытывают «счастливое, умиленное спокойствие», в их душе звучит неслышная музыка счастья. Чем это вызвано? Историческими ли событиями? Нет, это вызвано тонкой тетрадкой, содержащей всего двадцать пять стихотворений давно умершего и, казалось бы, никому кроме них неизвестного человека, но которые являются плодом теургического творчества, предстают элементом высшей действительности, горят золотом умопостигаемого мира, способного преобразовывать мир здешний. В них продолжается жизнь Юрия Живаго. И какая разница, что он умер, ведь смерти больше не существует.. Он весь в памяти, в своих стихах, как это сказал о поэте еще Пушкин: «это он; Вот речь его». И он есть часть будущего, того будущего, которое уже наступило, что подтверждается словами Пастернака о Москве, на которую взирают Гордон и Дудоров, как «святом городе», – но которое нужно иметь смелость открыть и принять, и тогда свершится реализация

²⁵ См.: Бужор Е.С. Философско-антропологическая трактовка пушкинской концепции поэта у Владимира Соловьева. С. 69.

²⁶ См.: Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 111 [22].

²⁷ См.: Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 250 [23].

«божественного начала во всей эмпирической, природной действительности», произойдет осуществление «человеком божественных сил в самом реальном бытии природы»²⁸.

Список литературы

1. Соловьёв В.С. Общий смысл искусства // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 390–405.
2. Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 5–170.
3. Бужор Е.С. Философия преображающего познания П. Флоренского и Вяч. Иванова в контексте теории всеединства Вл. Соловьёва: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 35 с.
4. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 48–580.
5. Бужор Е.С., Бужор В.И., Шевченко О.В. Концепция преображения человека у Ницше и Владимира Соловьёва и ее влияние на русскую философию // Манускрипт. 2021. Т. 14, вып. 3. С. 478–484.
6. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго // Пастернак Б.Л. Собр. соч. в 5 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1990. С. 5–540.
7. Романова И.В. Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения. Смоленск, 2007. 328 с.
8. Поливанов К.М. «Доктор Живаго» как исторический роман: дис. ... д-ра философии по русской литературе. Вып. 33. Тарту: University of Tartu Press, 2015. 262 с.
9. Сedaкова О.А. «И жизни новизна». О христианстве Бориса Пастернака». URL: <https://www.olgasedakova.com/Moralia/1032> (дата обращения 25.03.2025).
10. Шмайна-Великанова А.И. Поэзия как выход из богословского тупика: «Доктор Живаго» и его последствия // Наше положение: Образ настоящего. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000. С. 280–292.
11. Гаспаров Б.М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. С. 241–273.
12. Бужор Е.С. Философско-антропологическая трактовка пушкинской концепции поэта у Владимира Соловьёва // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3. С. 67–73.
13. Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьёва как актуальная парадигма. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/bychkov.html> (дата обращения: 24.03.2025).
14. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 493–547.
15. Хоружий С.С. Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. М.: Центр психологии и психотерапии, 1991. 135 с.
16. Weimann A. Walicki's Analysis of Solovyov's Views // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 76–89.
17. Гайденок П.П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 468 с.
18. Бонеецкая Н.К. Царь-Девница: феномен Евгении Герцык на фоне эпохи. СПб.: Полиграф, 2012. 526 с.
19. Бужор Е.С. Смысл любви в философии всеединства Вл. Соловьёва // Общество: философия, история, культура. 2017. № 9. С. 43–47.
20. Силард Л. К проблеме «теургического постулата» // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 102–135.

²⁸ См.: Соловьёв В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 743 [24].

21. Седакова О.А. «Неудавшаяся епифания»: два христианских романа: «Идиот» и «Доктор Живаго». URL: <https://old.taday.ru/text/2322571.html> (дата обращения 25.03 2025)

22. Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 105–121.

23. Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 223–273.

24. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 581–756.

References

(Sources)

Collected Works

1. Pasternak, B.L. Doktor Zhivago [Doctor Zhivago], in Pasternak, B.L. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 3* [Collected Works in 5 vols., vol. 3]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990, pp. 5–540.

2. Solov'ev, V.S. Chteniya o Bogochelovechestve [Readings on Godmanship], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'stvo «Pravda», 1989, pp. 5–170.

3. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Critics of Abstract Principles], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 581–756.

4. Solov'ev, V.S. Obshchiy smysl iskusstva [General Meaning of Art], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 390–405.

5. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification of Good. Moral Philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 48–580.

6. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [Meaning of Love], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 493–547.

Individual works

7. Gasparov, B.M. Vremennoy kontrapunkt kak formoobrazuyushchiy printsip romana Pasternaka «Doktor Zhivago» [Temporary Contrapunto as Creative Principle of Pasternak's Novel "Doctor Zhivago"], in *Literaturnye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka* [Literature's Leitmotifs. Essays on Russian Literature of 20-th Century]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 241–273.

8. Shmaina-Velikanova, A.I. Poeziya kak vykhod iz bogoslovskogo tupika: «Doktor Zhivago» i ego posledstviya [Poetry as Exit from Theological Impasse: "Doctor Zhivago" and its Consequences], in *Nashe polozhenie: Obraz nastoyashchego* [Our Situation: Image of the Present]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2000, pp. 280–292.

9. Silard, L. K probleme «teurgicheskogo postulata» [On Theurgical Postulate Problem], in Silard, L. *Germetizm i germenetika* [Hermetism and Hermeneutic]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2002, pp. 102–135.

10. Solov'ev, V.S. Poeziya F.I. Tyutcheva [F.I. Tyutchev's Poetry], in Solov'ev V.S. *Literaturnaya kritika* [Literature Critical Works]. Moscow: Sovremennik, 1990, pp. 105–121.

11. Solov'ev, V.S. Znachenie poezii v stikhotvoreniyakh Pushkina [The Meaning of Poetry in Pushkin's Poems], in Solov'ev, V.S. *Literaturnaya kritika* [Literature Critical Works]. Moscow: Sovremennik, 1990, pp. 223–273.

(Articles from Scientific Journals)

12. Buzhor, E.S. Filosofsko-antropologicheskaya traktovka pushkinskoy kontseptsii poeta u Vladimira Solov'eva [Vladimir Solovyov's Philosophical and Anthropological Interpretation of Pushkin's Concept of the Poet], in *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2023, no. 3, pp. 67–73.

13. Buzhor, E.S., Buzhor, V.I., Shevchenko, O.V. Kontseptsiya preobrazheniya cheloveka u Nitshe i Vladimira Solov'eva i ee vliyaniye na russkuyu filosofiyu [The concept of Human Transformation in Nietzsche and Vladimir Solovyov and its Influence on Russian Philosophy], in *Manuskript*, 2021, vol. 14, issue 3, pp. 478–484.

14. Buzhor, E.S. Smysl lyubvi v filosofii vseedinstva Vl. Solov'eva [The Meaning of Love in Vl. Solovyov's Philosophy], in *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2017, no. 9, pp. 43–47.

15. Weimann, A. Walicki's Analysis of Solovyov's Views, in *Solov'evskie issledovaniya*, 2014, issue 4(44), pp. 76–89.

(Monographs)

16. Bonetskaya, N.K. *Tsar'-Devitsa: fenomen Evgenii Gertsyuk na fone epokhi* [Tsar-Maiden: Phenomenon of Evgenia Gercyk at the Epoch's Background]. Saint-Petersburg: Poligraf, 2012. 526 p.

17. Gaydenko, P.P. *Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka* [Vladimir Solovyov and Philosophy of Silver Age]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2001. 468 p.

18. Khoruzhiy, S.S. *Diptikh bezmolviya. Asketicheskoe uchenie o cheloveke v bogoslovskom i filosofskom osveshchenii* [Diptych of Silence. Ascetical Teaching about Man in Theological and Philosophical Light]. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1991. 135 p.

19. Romanova, I.V. *Poetika Iosifa Brodskogo: lirika s kommunikativnoy tochki zreniya* [Iosif Brodsky's Poetics: Lyrics from Communicative Perspective]. Smolensk, 2007. 328 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

20. Buzhor, E.S. *Filosofiya preobrazhayushchego poznaniya P. Florenskogo i Vyach. Ivanova v kontekste teorii vseedinstva Vl. Solov'eva*. Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk [Philosophy of Transfigurative Knowledge of Pavel Florenskij and Vyacheslav Ivanov in the Context of Vladimir Solovyov's Theory of All-Unity. Abstr. cand. philos. sci. diss.]. Moscow, 2017. 35 p.

21. Polivanov, K.M. *«Doktor Zhivago» kak istoricheskiy roman*. Diss. ... d-ra filosofii po russkoy literature [Doctor Zhivago as a Historical Novel. Dr. Philos. in Russian Literature Diss.]. Tartu: University of Tartu Press, 2015. 262 p.

(Electronic Resources)

22. Bychkov, V.V. *Estetika Vladimira Solov'eva kak aktual'naya paradigma* [Vladimir Solovyov's Esthetics as Actual Paradigm]. Available at: <http://www.vehi.net/soloviev/bychkov.html> (access 24 March 2025).

23. Sedakova, O.A. *«Neudavshayasya epifaniya»: dva khristianskikh romana: «Idiot» i «Doktor Zhivago»* [Failed Epiphany: Two Christian Novels: “Idiot” and “Doctor Zhivago”]. Available at: <https://old.taday.ru/text/2322571.html> (access 25 March 2025).

24. Sedakova, O.A. *«I zhizni novizna». O khristianstve Borisa Pasternaka»* [And Novelty of Life. About Boris Pasternak's Christianity]. Available at: <https://www.olgasedakova.com/Moralia/1032> (access 25 March 2025).